О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ИЗУЧЕНИЯ «ПОВЕСТЕЙ БЕЛКИНА» А. С. ПУШКИНА В СОВРЕМЕННОЙ ШКОЛЕ

Пяткин Сергей
профессор, доктор филологических наук,
директор, Арзамасский филиал, федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского»
(Арзамас, Россия)

CZU: 821.161.1.09

Abstract

Articolul propune o practică creativă școlară a „lecturii ortodoxe” a „Povestirilor lui Belkin” de A. Pushkin ca o operă clasică a literaturii ruse, care care posedă un potențial educațional și este capabilă să participe în mod eficient la dezvoltarea spirituală a personalității.

Cuvinte cheie: Puşkin, Povestirile lui Belkin, lectura ortodoxă, imaginea ortodoxă a lumii.

«Повести Белкина» А. С. Пушкина, кажется, не относятся к «проблемным» произведениям в практике преподавания литературы в школе. Действительно: увлекательные сюжеты, запоминающиеся герои, повествовательная легкость… Однако все это, на поверку, не всегда позволяет четко расставить акценты в понимании нравственно-философского содержания пушкинских «Повестей»; не способствует восприятию тех глубинных основ национальной культуры, столь же ясно в своем художественном выражении представленных у Пушкина.

В своем приветственном слове к участникам Всероссийского съезда учителей словесности, прошедшего в ноябре 2018 года, Святейший Патриарх Кирилл особо подчеркивал: «Наша цивилизация в значительной степени выросла из православного понимания сущности бытия. Наша культура – в том виде, в каком мы ее знаем и любим, в том виде, в каком она известна во всем мире, – буквально пропитана христианскими духовно-нравственными ценностями и идеалами. Именно православная вера воспитала в народе ту красоту и благородство души, которые запечатлены в русской литературе и в русском искусстве. Без понимания этой простой истины невозможно изучать творчество русских писателей, невозможно постичь богатства отечественной культуры, ощутить глубокую духовную связь времен, потому что духовно-нравственный код, заложенный в природу нашего человека и сформированный через традицию, обусловлен в первую очередь воспитанием, основанным на христианских ценностях <…> Если из образования выпадает воспитательная составляющая, если мы воспитываем ребенка вне системы ценностей, на которых основана наша культура, откуда же у него возьмется способность отличать добро от зла, а истину от лжи?» [12].

Развивая эту мысль, мы, думается, вправе утверждать, что русская классика, как никогда сейчас, нуждается в *православном прочтении*. Сегодня следует не только признать, но и утвердить в методике преподавания литературы то, что художественное наследие русской классики находится «целиком под знаком православного христианства <…> Русская словесность по сути своей евангельская. Из Евангелия берутся не только образы и эпиграфы, косвенно, тем не менее “веско” освещающие все произведение, но и отрывки» [9, с. 27]. По убеждению авторитетного историка и теоретика отечественной словесности В. Н. Захарова, «православие обусловило христианский хронотоп русской литературы» [6, с. 160]. Отнюдь не надуманным выглядит мнение современного философа

и литературоведа Вл. Ильина о том, что русскую литературу «можно назвать в расширенном смысле нравственным богословием» [7, с. 25].

В системе российского образования академическая филологическая наука уже давно потеряла статус концептуальной первоосновы и вузовской, и школьной методик преподавания литературы. В принципе, можно говорить об отсутствии какой бы то ни было в настоящее время единой концепции истории русской литературы. И в свете этой проблемы мы полностью солидарны с профессором И. А. Есауловым, категорично заявляющим о том, что «требуется новая концепция русской литературы» [5, с. 3]. Автор весьма своевременной и глубокой работы «Категория соборности в русской литературе» определяет основное положение новой концепции как «осознание *христианского* (а именно – православного) подтекста русской литературы как особого предмета изучения <…> пока в изучении русской литературы преобладает совершенно иная аксиология, абсолютно внешняя по отношению к православной (и вообще христианской) духовности» [5, с. 5-7].

В этой перспективе, как мы полагаем, и следует «открывать» у Пушкина (равно как и у всех русских классиков) «нечто соответствующее для каждого возраста». Православный контекст пушкинского творчества отнюдь не является упрощенческим взглядом на всеобъемлющий гений Поэта, поскольку ни в коей мере не сводится только к обнаружению мифологического контекста, или мифологического архетипа, в том или ином произведении. Но постижение «*православного образа мира*» (И. Есаулов) в «Евгении Онегине», «Дубровском», «Капитанской дочке», «Повестях Белкина», по нашему мнению, должно начинаться именно с продуктивного усвоения подростком-читателем мифопоэтической модели, лежащей в основании каждого из этих произведений, подобно как духовное становление личности начинается с осознания библейских заповедей как неизменного и вечного «стандарта истины».

По убеждению Н. Н. Страхова, «высшая точка зрения, на которую поднимается автор, есть религиозный взгляд на мир» [13, с. 131]. Мы полагаем, что подобная «точка зрения» в художественном сознании А. С. Пушкина в полной мере утверждается осенью 1830-ого, знаменитой Болдинской осенью. Подводя итог многим попыткам литературоведов определить сущность феномена небывалого взлета пушкинской мысли в Болдине, суммируя многочисленные и совершенно различные по своим методологическим подходам концепции в осмыслении болдинского творчества поэта, можно заключить, что именно в три осенних месяца 1830-го года резко завершился перелом в мироощущении поэта: «от разочарованного безверия – к вере и молитве; от революционного бунтарства – к свободной лояльности и мудрой государственности; от мечтательного поклонения свободе – к органическому консерватизму; от юношеского многолюбия – к культу семейного очага» [8, с. 287].

Именно здесь, в Болдине «новый идеал смирения, затишья, простоты» сменяет «прошлые увлечения всем грандиозным, бунтующим, необычайным» [4, с. 9]. Новый этический ориентир Пушкина получил свое художественное воплощение прежде всего в «Повестях Белкина». В пушкиноведении уже неоднократно отмечалось, что «развивающаяся идея» (В. Г. Одиноков) болдинского эпического цикла обретает свою «жизнь» в поступательном движении от «Выстрела» к «Барышне-крестьянке», определяя нравственно-философское звучание повестей, поскольку здесь нам явлен тернистый путь русского человека к залогу собственного величия, процесс нравственного становления

личности, ее духовный рост. В каждой из «Повестей Белкина» характер сюжетообразования напрямую зависит от действенного начала русской души, преодолевающей апостазию. Финалы болдинских новелл зримое тому подтверждение, где герои, не знающие ранее «разногласий между “подумать” и “сделать”» [14, с. 9], приходят к мысли о необходимости поверки и самой поверке любого жизненного решения христианскими (православными) установлениями. Это и является единственным и непреложным условием нравственного благополучия личности – «*будьте совершенны, как совершенен Отец ваш Небесный*» (Мф. V, 48).

Но ни одна из повестей при этом не является компендиумом назидательных историй в связи с той или иной поведенческой рефлексией героев. Жизненные ситуации, являющиеся сюжетным ядром в каждой из новелл цикла, чрезвычайно сложны и исключают существование идеальной бинарной оппозиции: «положительный персонаж» – «отрицательный персонаж», подобно тому, как это мы встречаем в традиционной сказке. Категории добра и зла не явлены в «Повестях» в «чистом» виде, и поэтому лишь православное восприятие образа мира сможет помочь юному читателю предельно четко определиться с поляризацией конфликтных сил в эпическом цикле, разрешить проблему нравственного идеала в каждой из повестей, иначе говоря, – «отделить зерна от плевел».

Так, в «Выстреле», на первый взгляд, основу сюжета составляет драматичная история о «поруганной чести» Сильвио, обрамленная двумя дуэлями. Но обе эти дуэли довольно условно соотносятся с понятием «честь». Оскорбление – пощечина, полученная на бале у польского помещика, – ответ графа Б*** на «плоскую грубость» Сильвио, который сознательно провоцирует и первый и второй поединки. Зависть, перерастаемая в злобную месть, – вот, что заставляет Сильвио дважды целить в графа Б***, желая его смерти.

Но вряд ли стоит считать Сильвио жертвой своей страсти. Как он сам свидетельствует: «Характер мой был известен; я привык первенствовать, но смолоду это было во мне страстию» [10, с. 69]. Скорее всего, «он самое страсть подчиняет куда более фундаментальному началу – гордыне. Он дает ей волю, вскармливает ее… именно потому, что она обслуживает его гипертрофированную личность (чем же еще объяснить, по сути, отказ Сильвио от дуэли с действительно оскорбившим его «пьяным сумасбродом Р***»? – С. П.). он сознательно выпадает из космоса, формирует в хаосе свой персональный мир и противопоставляет его космосу» [1, с. 94-95].

Нравственное воскресение Сильвио – в отказе от как будто бы «законного» ответного выстрела. Если он перед отъездом к графу ничуть не сомневается, что волен вершить свой закон и от него – только от него – зависит жизнь обидчика, то во время второй дуэли, отказываясь от выстрела, он говорит графу: «Предаю тебя твоей совести» [10, с. 74]. Отказ в данном случае символизирует собой переход от ненависти к признанию греховной природы этой ненависти, т.е. к прощению. «Страшный и эксцентричный Сильвио выходит из новеллы Пушкина существом обыкновенно прекрасным, плечом к плечу с остальными людьми <…> Сильвио с нами – большинством людей» [2, с. 345], так в одной из своих работ, посвященных пушкинской прозе, заключает видный литературовед Н. О. Берковский. Собственно, эта мысль может быть выражена и евангельским словом: «*Пребудьте во Мне, и Я в вас. Как ветвь не может приносить плода сама собою, если не будет на лозе, так и вы, если не будете во Мне*» (Иоанн. XV, 4).

Вторая повесть господина Белкина «Метель» являет нам людские души, охваченные иной роковой страстью; уже не гордыней, а страстью любовной. Отношение между Марьей Гавриловной и Владимиром – это именно страсть, а не любовь, что иронично подчеркивается уже в самом начале повести автором: «Марья Гавриловна была воспитана на французских романах и, следственно, была влюблена» [10, с. 77].

Собираясь венчаться без благословения «жестоких родителей», следуя за первым порывом души, воспитанной на иностранных романах, Владимир и Маша тем самым умаляют священное таинство брака – основу русской семейственности. И метель у Пушкина, что безжалостно рушит все планы беглецов, становится тем знаком благоустроительной судьбы, разгадав который можно обрести подлинное счастье. Оно-то и находит в повести Машу и Бурмина. «Непреодолимая преграда», которой каждый из этих героев живет, страдая, все больнее и больнее затягивает разрешение любовной коллизии. Обвенчанные по воле случая друг с другом, и не узнавая друг друга, герои Белкина мучаются и готовы пожертвовать своей любовью ради Слова, данного перед Богом. Четыре года верности как будто никому, но на самом деле Богу и, конечно, самим себе неизмеримо выше их личного счастья. Эта верность испытана и вознаграждена. Невероятная, почти фантастическая история завершилась на удивление просто. Сложные, надуманные коллизии, рожденные «романтической страстью» и подпитанные «романическими клятвами», воистину разрешились в «простоте Божией». Маша и Бурмин – «*это те, которые, услышавши Слово, хранят его в добром и чистом сердце и приносят плод в терпении*» (Лк. VIII, 15).

События, изображенные в «Гробовщике», имеют апокалиптический подтекст, где жизнь подменяется сном, а мир живых – миром мертвых.

На первый взгляд, характер героя этой повести – Адриана Прохорова – «совершенно соответствовал мрачному его ремеслу. Адриан Прохоров обыкновенно был угрюм и задумчив» [10, с. 89]. Как известно, «угрюмость» и «задумчивость» гробовщика обусловлены отнюдь не «печальными размышлениями» о тщете земной: убыток, расход, доход – вот, что занимает его сознание. Но выместить свой недавний убыток на старой купчихе Трюхиной означает для Адриана – желать ей скорейшей смерти, хотя этого гробовщику, погрязшему в «деловой суете», понять не дано. Не видит он и святотатства в своем приглашении «мертвецов православных» к себе на новоселье.

Сон гробовщика – это его подсознательное бытие, мир его греховной совести; неожиданный ретроспективный просмотр собственного прошлого, где подсознание уравнено в своих правах с сознанием. Исходная точка ретроспективы отнюдь не кончина купчихи Трюхиной, а первый опыт профессии гробовщика, совпавший с преступным опытом его совести, когда он продал свой первый гроб – «сосновый за дубовый». Вот начало нравственного омертвения Адриана Прохорова, разрушение тонкой, целомудренной связи профессии гробовщика с миром мертвых, равно как и с миром живых.

И если утром Адриан «с ужасом вспомнил все вчерашнее происшествие» [10, с. 94], то этот ужас более всего обусловлен страхом осознанного совершенного греха и уж потом самой картиной происшедшего. Адриан ждет радости от смерти купчихи Трюхиной в начале повести, а получает эту радость от известия, что она жива! Гробовщик обрадован тем, что страшные события оказались только сном, ставшим, между тем, грозным

напоминанием о том, что ничто не забыто на весах высшего правосудия: «*... нет ничего сокровенного, что не открылось бы, и тайного, чего не узнали бы*» (Лк. XII, 2).

Художественным сосредоточием четвертой повести болдинского цикла – «Станционный смотритель» – являются два взаимоопределяющих друг друга христианских мотива: *покаяние* и *прощение*. Причем, они как бы предзаданы всему «печальному» повествованию через описание картинок, иллюстрирующих историю о Блудном сыне, в начале новеллы.

В «Станционном смотрителе» Пушкин не берется исследовать причины случившейся истории с Дуней, он не задается вопросом о возможности избежать таких трагедий, ибо их избежать невозможно («От беды не отбожишься, что суждено, того не миновать» [10, с. 100]), но автора на протяжении всей повести беспокоит обратное – смогут ли герои повторить до конца ту библейскую историю, смогут ли так же одержать победу над собой. И на первый взгляд, композиционно эта повесть несколько отличается от остальных: первая ее часть кажется «светлой», а вторая – «черной». Если посмотреть на событийный ряд, то так оно и есть, но если проследить духовное состояние ее героя Самсона Вырина (а именно он центральное действующее лицо), то все возвращается на свои места. До бегства Дуни из родительского дома Самсон Вырин явлен автором не только как заботливый отец. Дуня для отца стала бессознательно отождествляться с магическим средством личностного самоутверждения в пику проклятий и угроз проезжающих высоких чиновников («Бывало барин, какой бы сердитый ни был, при ней утихает и милостиво со мною разговаривает» [10, с. 100]).

С потерей Дуни разрушается греховное самолюбие Самсона Вырина. Он начинает понимать, что его дочь, вопреки самым мрачным прогнозам, счастлива. Все свои последние дни герой проводит с детьми, отдавая им без остатка свою нерастраченную отцовскую любовь. И в этом косвенно выражается смысл прощения станционным смотрителем дочери, подобно тому, как одна из последних сцен повести – Дуня на могиле Самсона Вырина («Она легла здесь и лежала долго») – служит выражением покаяния дочери перед отцом

Пушкин делает новый акцент в прочтении библейской истории. Притча о блудном сыне не есть назидание, не есть рассказ о том, как сын ослушался отца, и какие беды из этого вышли, или, как воспринимает эту притчу, например, Бориска Гориков в «Школе» А. П. Гайдара: «…сын… ушел от своего отца странствовать, но потом, как видно, ему пришлось туго, и он пошел на попятный» [3, с. 13]. Это история должна быть воспринята как нравственное руководство для человека (отца или сына), попавшего в подобную ситуацию, как нравственный идеал поведения (прощение отца и покаяние сына).

«*Итак, будьте милосердны, как и Отец Ваш милосерден. Не судите, и не будете судимы; не осуждайте и не будете осуждены; прощайте, и прощены будете*» (Лк. VI, 36-37).

Четыре повести под знаком «исцеления духа» органично порождают пятую – «исцеленного духа». Художественная система «Барышни-крестьянки» исключительна в своей реальной бесконфликтности, а все представленные в произведении очаги той или иной конфликтной поляризации воспринимаются как пародирующие интенции на сюжеты предыдущих повестей. Внешняя и внутренняя дихотомия первых четырех новелл эпического цикла, где части к тому же антитетичны по отношению друг к другу по своему идейно-художественному воплощению, не характерна для композиции «Барышни-

крестьянки». Структурная однозначность, одноплановость последней повести Белкина, свидетельствующая о гармоничном равновесии мира в «Барышне-крестьянке», подготовлена общим движением «Повестей». У автора для читателей больше нет ни тайн, ни загадок. Повествование полностью развернуто в единый линейный сюжет: нет ни ретроспективных возвратов, ни «двойного» рассказывания.

Преодоление дихотомии во многом зависит от того, что художественная структура «Барышни-крестьянки» не содержит в себе грешного прошлого героев – Алексея Берестова и Лизы Муромской. Впервые в «Повестях» личный выбор молодых людей соответствует родительской воле. И лишь затеянный Лизой–Акулиной–Бетси карнавал создает в повествовании мотивированную буколическую интригу. В прошлом Берестова – младшего, равно как и Лизы Муромской, нет черных отметин духовного бездорожья, нет символической тени Сильвио, которая может внезапно омрачить будущее Счастье.

«*Давайте, и дастся вам: мерою доброю, утрясённою, нагнетенною и переполненною отсыплют вам в лоно ваше; ибо, какою мерою мерите, такою же отмерится и вам*» (Лк. VI, 38).

Безусловно, подобное прочтение «Повестей Белкина» не затрагивает потаенных глубин художественного сознания А. С. Пушкина, не фокусирует внимания на отточенности и изящности стиля повествования. Но как мы полагаем, двенадцатилетние школьники должны, прежде всего, проникнуться нравственно-философским содержанием «Повестей», прочувствовать как живую данность «православный образ мира», осознать роль традиции и евангельского предания в современной жизни, укрепить вкус к чтению классики, отсутствие которого является, по мысли В. А. Сухомлинского, одной из причин духовной пустоты. И, прежде всего, – к чтению Пушкина.

И в заключение обратимся к публицистической миниатюре В. Розанова «Возврат к Пушкину» (1912): «Его еще нет, но его так хочется, этого возвращения <…> Пушкин поставлен на свое место, – и место это, первого русского поэта утверждено за ним. Но это всероссийское признание, торжественное и национальное, почти государственное, – наконец, признание и литературное и ученое, – не то, о чем мечтается и что нужно; нужно не *ему*, а *нам*. Хочется, чтоб он вошел *другом в каждую русскую семью*…» [11, с. 371-372].

«Се, стою у двери и стучу: если кто услышит голос Мой и отворит дверь, войду к нему и буду вечерять с ним, и он со Мною» (Отк. III, 20).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. БЕЛЯК, Н. В., ВИРОЛАЙНЕН, М. В. *«Маленькие трагедии» как культурный эпос новоевропейской истории: (Судьба личности – судьба культуры)* / Н. В. Беляк, М. В. Виролайнен // Пушкин: Исследования и материалы / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). Ленинград: Наука. Ленингр. отд-ние, 1991. Т. 14. С. 73-96.
2. БЕРКОВСКИЙ, Н. Я. *О русской литературе*: Сб. ст. / Н. Берковский. Ленинград: Худож. лит.: Ленингр. отд-ние, 1985. 383 с.
3. ГАЙДАР, А. П. *Собрание сочинений*: В 4 т. / [Вступ. статья Л. Кассиля, с. 5-35]; [Коммент. Ф. Эбин]. Москва: Дет. лит., 1971. Т. 1. 367 с.
4. ДАРСКИЙ, Д. П. *«Маленькие трагедии» Пушкина* / Д. П. Дарский. Москва: Московская художественная печатня, 1915. 72 с.
5. ЕСАУЛОВ, И. А. *Категория соборности в русской литературе* / И. А. Есаулов; Петрозавод. гос. ун-т. Петрозаводск: Изд-во Петрозавод. ун-та, 1995. 287 с. ISBN 5-230-09032-4

6. ЗАХАРОВ, В. Н. *Проблемы исторической поэтики: этнологические аспекты: детям Оле и Коле филологам* / В. Н. Захаров; Петрозаводский гос. ун-т. Москва: Индрик, 2012. 263 с. ISBN 978-5-91674-232-9
7. ИЛЬИН, В. Н. *Арфа Давида: религиозно-философские мотивы русской литературы* / В. Н. Ильин. Санкт-Петербург: Русский Миръ, 2009. Т. 1. 549 с. ISBN 978-5-904-99-05-7
8. ИЛЬИН, И. А. *Пророческое призвание Пушкина* / И. А. Ильин // Пушкин в русской философской критике: конец 19 – первая половина 20 века. Москва: Книга, 1990. С. 328-355.
9. ЛОССКАЯ-СЕМОН, М. В. Несколько замечаний по поводу религиозного призвания русской литературы. *Журнал Русская литература*. 1995, №1, с.27-34. ISSN: 0131-6095
10. ПУШКИН, А. С. *Повести покойного Ивана Петровича Белкина* // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 16 т. Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР, 1937-1959. Т. 8, кн. 1. Романы и повести. Путешествия. 1948. С. 59-124.
11. РОЗАНОВ, В. В. *Собрание сочинений*. Среди художников / В. В. Розанов; Под общ. ред., [со вступ. ст.] А. Н. Николюкина; [Коммент. А. Н. Николюкина, В. А. Фатеева]. Москва: Республика, 1994. 493 с. ISBN 5-250-02461-0
12. *Слово Святейшего Патриарха Кирилла на пленарном заседании Всероссийского съезда учителей русской словесности 7 ноября 2018 г.* http://www.patriarchia.ru/db/text/5298536.html (дата обращения: 01.07.2020).
13. СТРАХОВ, Н. Н. *Литературная критика* / Н. Н. Страхов; [вступ. ст. Н. Н. Скатова, с. 5-43]. Москва: Современник, 1984. 431 с.
14. ХАЛИЗЕВ, В. Е. *Цикл А. С. Пушкина «Повести Белкина»*: [Учеб. пособие для вузов] / В. Е. Хализев, С. В. Шешунова. Москва: Высш. шк., 1989. 79 с. ISBN 5-06-000254-3

О НЕКОТОРЫХ ТЕНДЕНЦИЯХ В СОВРЕМЕННЫХ ИНТЕРПРЕТАЦИЯХ СУДЬБЫ ЛЕРМОНТОВА

Юхнова Ирина Сергеевна
доктор филологических наук, доцент,
Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

CZU: 821.161.1.09

Abstract

Articolul dezvăluie transformările subiectelor operelor literare ale lui Lermontov în ficțiunea modernă. Se arată că autorii își concentrează atenția asupra serviciului militar al lui Lermontov, istoriilor sale de dragoste, dar momentele de creativitate se regăsesc cel mai adesea la periferia narațiunii. Se remarcă ignoranța contextului istoric, ca urmare, Lermontov este înzestrat cu un comportament care nu este caracteristic unui reprezentant al secolului al XIX-lea. O serie de publicații au dezvăluit tendința spre reabilitarea ucigașului poetului. Pentru analiză este implicată și literatura de știință populară, în care se regăsesc aceleași tendințe.

Cuvinte cheie: M.Yu. Lermontov, ficțiune, literatură de știință populară, fapt și ficțiune.

Судьба Лермонтова – одна из излюбленных тем беллетристики, научно-популярной литературы. Считается, что начало процессу беллетризации биографии Лермонтова было положено В.А. Соллогубом – прототипом главного героя повести «Большой свет», по мнению читателя той эпохи, стал Лермонтов, а сама повесть была воспринята как пасквиль на поэта. Известно, между тем, что Лермонтов себя в образе Леонина не опознал, а его взаимоотношения с В.А. Соллогубом почти не претерпели изменений. Так или иначе, в русской прозе сформировался «лермонтовский сюжет», имеющий свои устойчивые элементы и варианты. И если мотивная структура и образный строй в художественной литературе о Лермонтове воспроизводится почти без изменений (всегда присутствует мотив сиротства, одиночества, противостояния с обществом, изгнания, ранней смерти), то варианты сюжета многообразны и обусловлены историческим моментом – существуют героическая, демоническая, психологическая,